

НУ что ж — отладимся новогодним гре-зам...

Итак — лет через тридцать с лишком, в 2000 году, таким же зимним вечером, как нынешний, мы отправимся с вами в театр.

Да, да!.. Несмотря на небывалый грядущий расцвет телевидения и кино, бедный театр все-таки будет существовать.

Как это ему удастся?

Он осознает, в чем его сила. Только и всего.

Дайте мне вашу руку — я поведу вас в этот театр.

Зрительный зал его весьма мал; мест треста — не более, он расположен амфитеатром и окружает сцену. Актер максимально приближен к зрителю, он почти рядом с нами. Мы видим движение мускулов его лица, видим живые его глаза, слышим его дыхание. Кино и телевидению это не подвластно. В связи с чем театр всегда давал полон.

(Кстати, вот уже много лет Большая опера Театра Советской Армии доведена до нормальных размеров.)

Актерский состав этого театра крайне невелик

— 20 человек, не более. Правда, все они мастера своего дела. Параллельные спектакли признаны наконец нерентабельными — в каждом представлении зрители видят всех своих любимых.

(Кстати, режиссер уже давно получил право держать только нужных театру актеров. Что поистине странно.)

Репертуар. Драматурги тут не случайные гости. Они обожают своих актеров, в восторге друг от друга и на читках подвергают пьесы своих товарищей яростной критике. На премьере они радуются победе приятеля и тому, что способствовали ей.

(Кстати, критики уже давно перестали восторгаться драмами, которые зритель посещает не слишком старательно.)

Классические пьесы ставятся только потому, что это вечно современные пьесы. (Оттого ведь они и классические.) Зритель, пришедший на премьеру «Ревизора»

или «Гамлета», уверен, что будет присутствовать не на публичном оживлении музейного экспоната, а узнает кое-что и о своей собственной сегодняшней жизни.

(Кстати, театры уже давно не ставят пьес недостаточно вдумчивых, обещаая за это когда-нибудь поставить пьесы более прелестные.)

Руководят театром, как это ни удивительно, всего два человека — режиссер и драматург. Они души не чают друг в друге, вечно спорятся и режут в глаза правду-матку. В результате появляются отличные спектакли.

(Кстати, в театре нет директора, зам. директора, директора-распорядителя. За порядком следит администратор.)

Художники театра давно усвоили, что им следует раствориться в актере. Реализм не терпит подражательства, и вот в архив сданы все атрибуты условного театра: пейзажные задники, натуралистические из-

бушки, всамделишные кусты и деревья, — словом, все, что рядом с живым актером выглядит весьма условно. Давно забыты и столь прелестные тюлевые занавесы, аппликации, стилизованные березки — вся эта украшательская мура на вечное пользование отдана балету.

Зато в драме научились освещать актера, и он обязан теперь за положенную ему зарплату передавать то, что его окружает. — ночной сад, бурное море, ветер в степи, дождь на рассвете.

(Кстати, за счет сокращения декорационных расходов театры будут строить ясли для детей актеров.)

Зрители приходят в театр, словно в гости к самому близкому другу, когда не знаешь, как тебе поступить, когда ищешь поддержки в грудном решении, которое принял. Поэтому театру чудно правоучительство, здесь деликатны и забыли о слишком

уж указательном пальце.

(Кстати, ныне критики давно уже перестали рекомендовать театру плохие пьесы, полагая, что они плохи, но не слишком.)

Этот театр твердо знает, что он — театр и основа его — общение со зрителем. Словом, то, чего никогда не достичь бедным кино и телеку, которые достигли небывалого и т. д... Герои драм ведут живую беседу со зрителем — вот почему этот театр диктует драматургии новые законы, новую сценическую форму. И этот театр нельзя перенести на экран, нельзя показать по телевизору. Он весь — живой диалог зрителя и актера. Здесь царит мысль, слышится человеческое дыхание.

Зрители вспоминают прошедший день и думают о завтрашнем.

Таким через тридцать с лишком лет будет театр.

(Кстати, а почему не чуть раньше?)

Алексей АРБУЗОВ

ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ С ЛИШНИМ ЛЕТ?